АЛТАЙСКАЯ ПРАВДА

Орган Алтайского краевого, Барнаульского городского
комитетов ВКП(б) и краевого Совета депутатов трудящихся

№ 139 (7043) || Суббота, 15 июля 1944 года || Цена 20 коп.

заслуженный деятель искусств

Чехов и русский театр

(Из личных воспоминаний)

«В русской литературе, — убежденно говорил Горький о творчестве Антона Павловича, — не было ещё новеллиста, подобного Чехову: он у нас — самая ценная и крупная фигура — могучий талант! Как стилист он единственный из художников нашего времени, усвоивший искусство писать так, чтобы словам было место, а мыслям просторно. Он — один из лучших друзей России».

Этими немногими словами Горький, высоко ценявший и очень любивший Антона Павловича, ясно и просто определил значение Чехова, как великого писателя, как истинного друга своей Родины.

— «Это был обаятельный человек: скромный, милый...», — так отзывался о Чехове Лев Николаевич Толстой, любивший и ценявший его. Чехов — это Пушкин в прозе, — сказал великий писатель земли русской.

Лично я знаю Антона Павловича ещё с молодых лет, с 1887 года, когда только что вышла его книга «В сумерках», — первая за подписью «Антон Чехов», а не «Чехович», как раньше. Он только что выступил тогда на настоящую литературную дорогу, и вся его дальнейшая деятельность проходила на моей памяти, на моих глазах. Читатели живо интересовались молодым писателем, сумели верно понять и оценить его. И не только оценили, но и полюбили его. И любовь эта с годами росла и становилась всеобщей.

Как известно, Чехов ещё в ранней юности интересовался театром и даже у себя дома играл городничего в «Ревизоре». Но старый театр не удовлетворял его. Он мечтал об ином театре, где нет рутины, напыщенности, где всё, как в настоящей жизни. И вот написана была «Чайка», поставленная впервые в Петербурге. Пьеса скандально провалилась, и Чехов в ту же ночь уехал, почти убежал в Москву, давши себе слово никогда не писать для театра.

Однако Художественный театр в первый же год своей жизни решил показать ту же «Чайку» по-своему. Он твёрдо верил в это новое, что давала никак непонятая чеховская пьеса, о которой Немирович-Данченко писал Чехову:

«В русском театре, — как режиссёра, а ты — единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром».

С чувством огромной ответственности перед автором Художественный театр, в великом волнении раздвинул перед публикой своей серый занавес, где горсть молодежи, недавних учеников и недавних «любителей» начала мужественно разрушать предвзятые мнения. Но кончился акт, и занавес закрылся при гробовом молчании. Артисты пугливо прижимались друг к другу и прислушивались к публике. Но там тишина, ни звука. Значит — провал?..

— Удрученные, мы двинулись за кулисы, — рассказывают участники этого спектакля. — Кто-то среди женщин заплакал.

И в этот момент, после молчания, вдруг затрещали аплодисменты бурные, восторженные, почти небывалые. Опешенные прошли, и восторг зрителя вырвался наружу. Победа была полная, потрясающая.

— «Наконец, мы почувствовали успех, — говорит Станиславский. — И неизменно взволнованные стали обнимать друг друга, как обнимаются в пасхальную ночь».

По требованию публики Немирович — Данченко послал Чехову в Ялту приветственную телеграмму и вторую телеграмму от себя лично:

«Только что сыграли «Чайку». Успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал рад триумфов. Вызовы бесконечные. Мы сумасшедшие от счастья».

И Чехов ответил на это тоже телеграммой:

«Передайте всем: бесконечно и всей душой благодарю. Вапа телеграмма сделала меня здоровым и счастливым».

Чехов любил и высоко ценил Художественный театр. Он говорил, что Художественный театр — это лучшие страницы той книги, которая будет когда-либо написана о современном русском театре. Среди его писем к Немировичу — Данченко встречаются даже такие полупотуливые строчки: «Я завидую той крысе, которая живёт под стенами вашего театра».

Без Чехова Художественный театр вряд ли был бы тем и таким, каким стал, так же, как и Чехов, без Художественного театра вряд ли написал бы «Три сестры» и «Вишнёвый сад». Чехов и МХАТ слились воедино и стали немислимыми один без другого.

После премьеры «Вишнёвого сада» в Москве говорили:

— «Художественный театр сделал Чехова сценичным, а Чехов сделал Художественный театр — художественным. Какое счастье выпало на долю драматурга! Какое счастье выпало на долю театра!».

Творчество Чехова многогранно, лирика его поэтична, юмор его неискренен, а вера в лучшее будущее человечества непоколебима. С течением лет имя Чехова не только не бледнеет, но становится всё более дорогим и ярким и не только у нас на Родине, но и во всём культурном мире.

Последняя наша встреча была в Москве, накануне отъезда Чехова за границу, откуда он уже не вернулся живым. Я знал, что он очень болен. И хотя я был подготовлен, но то, что увидел превзошло все мои самые мрачные ожидания. На диване, обложенный подушками, спелом на ногах, сидел, тоненький, как будто маленький человек, с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до того был худ и изнурён Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться. А он протягивает слабую восковую руку, на которую странно взглянуть, смотрит своими ласковыми глазами и говорит:

«Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать».

На другой день он уехал. А месяца через два, вечером 15 июля 1904 года его не стало. Через несколько дней Москва встретила и проводила Чехова, как близкого, как любимого и родного, до его могилы в Новодевичьем монастыре. «Глава о Чехове ещё не кончена, — писал в своё время Станиславский. — Её ещё не прочли как следует, не вникли в её сущность и преждевременно закрыли книгу. Пусть же её раскроют вновь и дочтут до конца».

И вот настала такая пора. Вся страна наша чтит память своего великого писателя — Антона Павловича Чехова.